

ГЛАВА 1,

В КОТОРОЙ Я
РАССКАЗЫВАЮ
О НАС

Это мы с мамой в лифте. Мы живем на тринадцатом этаже. Мама ненавидит наш дом: она говорит, у нее кружится голова, когда она смотрит вниз с балкона. А мне, наоборот, нравится. Однажды лифт сломался, и нам пришлось спускаться вниз по лестнице. До этого я никогда там не был. Оказалось, кто-то написал на ступенях признание в любви. Между нашим этажом и двенадцатым было написано «милая». Между двенадцатым и одиннадцатым — «прекрасная». Между одиннадцатым и десятым — «замечательная», между десятым и девятым — «любимая». Я забыл, что было между девятым и вторым, но в самом низу автор написал: «Ты самая». Мы с мамой так и не поняли, где начало, а где конец, хотя я думаю, что начало на первом.

Из наших окон видна вокзальная площадь. И не только видна, но и слышна. Особенно по вечерам — наверное, потому что все остальные звуки к этому времени засыпают. Когда вечером лежишь в постели, слышно, как тетка механическим голосом громко объявляет:

— Со второй платформы отправляется скорый поезд до станции Уналашка...

Ну то есть я чаще всего слышу что-то похожее на Уналашку. На самом деле она говорит какое-то другое слово, но различить его сложно. Перед сном я обычно представляю, как будто лежу в этом поезде на верхней полке и слышу, как стучат колеса. Тут я всегда засыпаю и не успеваю представить, как мы приезжаем в Уналашку.

Мы с мамой живем вдвоем. Еще у нас есть Кошка, но мама ее не считает за человека и не особо любит — потому что мама обычно уставшая, а Кошка почти всегда кричит. «И зачем только мы ее завели?» — иногда говорит мама, пожимая плечами. Вопрос не ко мне: если бы меня кто-то спросил, я бы завел кота. Тогда бы нас с котом было бы двое —

ну и мама третья. А так я один, а их две. И они все время шипят друг на друга.

Раз уж я рассказал о Кошке, нужно рассказать и о Вильгельме. Это заяц, которого мне подарили в день, когда нас с мамой выписали из роддома. Сначала мы вместе лежали в кровати, а когда я научился ходить, то стал его повсюду таскать с собой. Я сам этого не помню, но так рассказывает мама. Действительно, на всех моих детских фотографиях мы вместе: даже если не видно всего Вильгельма, всегда можно разглядеть кусок лапы, ухо или кончик хвоста. Таких фотографий не меньше ста тысяч. А может, и больше. Мама очень любит фотографировать все на телефон и сразу же вешать в свой инстаграм или отправлять бабушке. Чаще всего на этих фотографиях я или мы с мамой вместе. На кухне за завтраком. В ванной, когда я чищу зубы. В лифте. В машине по дороге в школу. Около школы. В кафе. И так далее. Это просто невыносимо.

ГЛАВА 2, В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЮТСЯ БАБУШКА И УНАЛАШКА

Бабушка живет неподалеку. И всех нас похоже зовут. Бабушка — Марта. Мама — Марика. А я — Марк. Как-то я спросил маму:

- А как бы ты меня назвала, если бы я родился девочкой?
- Я всегда знала, что ты мальчик.
- Ну а если бы ты ошиблась?
- Ну, если бы ошиблась, то, наверное, Мариэттой.

Хорошо, что она не ошиблась. Правда, моим настоящим именем меня называют редко — в основном когда я плохо себя веду. Дома я Морковкин: мама говорит, это имя прилипло ко мне еще в младенчестве — потому что к крошечному кульку совсем не клеилось солидное имя Марк.

Бабушка живет одна, а дедушки у меня нет. Однажды я спросил у мамы, куда подевался ее папа. Мама пожала плечами:

— Когда я была маленькая, я задавала бабушке этот вопрос миллион раз.

— И что она говорила?

— Что у меня нет папы и что так бывает. Действительно, у нас в классе было много детей, которых воспитывали мамы.

— И ты не пыталась его искать?

— Думаю, если бы он хотел, сам бы меня нашел.

— А может, он умер?

— Может, и так.

— А может, он знаменитый музыкант?

— Почему бы и нет?

— А вдруг это Фредди Меркьюри?!

— А может, Элтон Джон?! Морковкин, не говори ерунды. Это может быть кто угодно, но сейчас мне уже неинтересно об этом думать.

Я пожал плечами. Как это неинтересно? На всякий случай я решил порыться в старых фотографиях, но дедушка не оставил никаких следов — как будто его и правда не существовало. На всех снимках из маминого детства есть только маленькая мама, бабушка и родители бабушки. И еще огромный кудрявый эрдельтерьер.

Маме повезло, что бабушка живет рядом и не работает. Когда-то она была переводчиком, а потом учительницей

английского. Мама часто, по ее собственному выражению, «сплавляет» меня к бабушке, чтобы, по ее собственному выражению, «выдохнуть». Я так и не понял, чем мешаю ей дышать, но факт остается фактом: как минимум раз в неделю я бываю у бабушки. И, честно скажу, это не самые веселые вечера: бабушка все время слушает радио или сидит в интернете и вздыхает. Однажды я не выдержал и спросил, все ли у нее в порядке.

— У меня за вас душа болит.

— Почему?

— Твоей матери не помешал бы муж. Тогда можно было бы и помереть спокойно.

— Ты что, умираешь?

— Нет, но когда-нибудь это произойдет, и мне было бы спокойнее, если бы рядом с мамой был кто-то надежный.

— Но у тебя ведь нет мужа?

Бабушка вздохнула и начала протирать стол, хотя он был суперчистый.

— Не у всех жизнь складывается так, как хотелось бы.

— Да, я бы, например, хотел бы жить в Уналашке, — согласился я.

— Не переживай, — бабушка бросила тряпку в раковину и села напротив меня. — У тебя все впереди. Сможешь жить, где захочешь, — слава богу, границы пока открыты.

Дома я сказал маме, что бабушка не против, если мы уедем в Уналашку, и можно начать придумывать путешествие. Мама рассеянно на меня посмотрела и погладила по голове:

— Конечно, Морковкин. Обязательно уедем.

Сто процентов, в этот момент она думала о чем-то другом и не слышала ни одного моего слова.

Уналашка — город на Аляске, который я случайно нашел на гугл-картах. Большинство уналашкцев живут на остро-

ве Амакнак. Он малюсенький, но и жителей так мало, что пока еще они там помещаются. Из города на остров можно добраться по мосту, который висит над Датч-Харбор. Я прочитал в «Википедии», что это название придумали русские матросы. Они думали, что до них тут уже побывали голландцы: в переводе с английского Датч-Харбор значит Голландская гавань. Но они ошиблись: на самом деле первым Уналашку открыл Беринг еще в 1741 году.

У бабушки я не люблю оставаться не только из-за радио и вздохов. Дело в том, что она заставляет меня есть гречневую кашу. Еще ладно была бы каша с солью или с молоком и сахаром, но бабушка готовит ее без всего.

— Можно мне соль?

— Соленое вредно.

— А сахар?

— Сахар — белая смерть.

И что на это ответить? После ужина бабушка вливает в меня стакан кефира, «чтобы кишечник работал», отправляет чистить зубы и гонит в постель на час раньше, чем обычно. А сама отправляется на диван, читает, вздыхает и выпивает рюмку рижского бальзама — черной жидкости с ужасным запахом. Как-то я лизнул каплю, и уж лучше бы я этого не делал.

Однажды в очередной раз, когда мама решила «выдохнуть», я устроил истерику и сказал, что никуда не поеду. Кошка прыгнула на стол и тоже начала орать — видимо, в знак поддержки. Мама скинула ее со стола и сказала:

— Бабушка так тебя любит. Она бы очень расстроилась, если бы узнала, что ты не хочешь к ней ехать.

Потом мама дала мне бумагу и ручку и попросила составить список вещей, которые мне нравятся у бабушки. Странно, но их оказалось не так мало.

Постельное белье, которое хрустит и приятно пахнет.
Чашки с блюдами, на которых нарисованы оранжевые петухи.

Старый ковер с непонятным узором, в котором можно разглядеть смешных монстриков.

Яблочный компот, который бабушка еще летом залила в стеклянные банки.

Огромная коробка со стеклянными бусинами, которые напоминают волшебные шары.

Музыкальная шкатулка, которая играет музыку из подземного перехода.

Толстые книги на английском, которые можно часами листать: они пахнут чем-то вкусным, и в одной из них есть карта Уналашки.

Фотография, которая стоит у бабушки за стеклом книжной полки: там она, совсем молодая и очень красивая, сидит в кресле посреди комнаты.

Фотографии у бабушки не только за стеклом, но и вообще везде: на стенах, столе, комодe, холодильнике и в большом старом сером альбоме. Там есть совсем маленькая бабушка и совсем маленькая мама, бабушкины родители, их родители, дяди и тети, их дети и дети их детей. Если можно было бы собрать вместе всех этих людей, получилась бы огромная толпа — как на концерте Queen, который они играли, чтобы помочь африканским детям*. И всех этих родственников бабушка помнит по именам.

* «Лайв Эйд» — международный благотворительный музыкальный фестиваль, состоявшийся 13 июля 1985 года и организованный британскими музыкантами для сбора средств пострадавшим от голода в Эфиопии. На стадионе «Уэмбли» в Лондоне собрались 82 000 человек, а на Стадионе имени Джона Фицджеральда Кеннеди в США — около 99 000 зрителей.

ГЛАВА 3

САМЫЙ ХУДШИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ

Недавно я первый раз пошел в школу. Но не в первый класс, как все дети, а сразу в третий. Когда мне исполнилось семь, мама решила, что я буду учиться дома, а в школу поступлю позже. Бабушка возмутилась:

— Чем он хуже других детей?

— Мама, он ничем не хуже. Просто он еще не созрел. Разве плохо, если он еще немного побудет свободным?

— И кто его всему научит?

— Читать и считать он уже умеет. А писать как-нибудь сами научим. Слава богу, мне не надо каждый день на работу ходить. И к тому же в первом классе ничего важного не происходит.

— Когда же, по-твоему, он созреет?

— Поживем — увидим.

Я представил себя в маске из инстаграма в виде яблока — горького, твердого и незрелого.

— Мама, а почему все созрели, а я нет?

— Суслик, все люди разные. Не переживай: я уверена, что мы все делаем правильно.

Мама — продюсер и очень гордится тем, что у нее творческая работа и она сама может решать, ходить ей туда или нет.

— А что делает продюсер?

— Практически все.

— То есть ты как Рой Томас Бейкер*?

— Не совсем. Я продюсирую не какую-то группу, а всякие мероприятия.

— Типа чего?

— Например, мне звонят и говорят: нужно срочно организовать съемку, в которой участвуют десять человек, три лисы и двадцать пять мышей. И все они должны надеть...

— Фиолетовые плащи?

— Например.

— Почему ты тогда не можешь выяснить, кто твой папа?

— Потому что у меня много других, более важных, дел.

В общем, весь первый класс я учился дома. Математикой и русским я занимался с мамой, а английским — с Джеком,

* Рой Томас Бейкер (р.1946) — британский музыкальный продюсер. Сотрудничал с The Who, The Rolling Stones, Дэвидом Боуи, Оззи Осборном, Дасти Спрингфилд и многими другими исполнителями и группами. Самой известной его работой стала «Богемская рапсодия» группы Queen.

настоящим американцем, которого посоветовала мамина знакомая. Бабушка сказала:

— Странно нанимать кого-то, когда его всему могла бы научить родная бабушка. Мы вот с тобой очень эффективно занимались, когда ты была маленькой.

— Ты просто ничего не помнишь. Эти занятия были сущим адом для нас обеих.

В итоге они поссорились и неделю не разговаривали.

Когда мне исполнилось восемь, бабушка спросила у мамы:

— Но теперь-то ты его отдашь в школу?

— Думаю, подождем еще годик.

— Марика, но ведь потом ему будет гораздо сложнее! — сказала бабушка и опрокинула рюмку бальзама.

— Мама, не волнуйся, все будет нормально.

Так что весь второй год я продолжал заниматься с мамой и Джеком. Я прочитал кучу книг на русском и научился читать, писать и даже говорить на английском. И когда мы наконец пришли в школу на тестирование, оказалось, что я не только ничего не пропустил, но знаю гораздо больше, чем большинство детей в моем возрасте.

— Поразительно. Марк знает гораздо больше, чем большинство детей в его возрасте, — похвалила маму учительница. — Отличный результат для домашнего обучения.

— Я тут ни при чем, — пожала плечами мама. — Просто ему все интересно.

Думаю, мама решила не отдавать меня в школу из-за детского сада. Я пошел туда, когда мне исполнилось четыре. Первые несколько дней все было неплохо, и мама мной страшно гордилась. Она говорила бабушке:

— Он все-таки очень социальный ребенок, ему нравится общаться с другими детьми, быть в центре внимания.

Но где-то через неделю мне надоело туда ходить. Мама рассказывает, что, когда она собралась уйти, я вцепился в ее ногу и начал орать как резаный. Мама нервничала и пыталась меня успокоить. Но чем больше она пыталась, тем сильнее я рыдал. Тогда мама стала ходить в детский сад вместе со мной. Несколько раз она пыталась улизнуть, но я внимательно следил за ней и ловил в дверях. Маму тоже хватило ненадолго, и через несколько дней она сказала бабушке:

— Он все-таки очень домашний ребенок — думаю, ему не нужна никакая социализация. Не стоит его лишней раз травмировать.

Не знаю, что ответила бабушка, но больше мы в детский сад не ходили — ни я, ни мама.

В общем, накануне моего первого третьего класса я никак не мог заснуть, представляя, как это будет. Утром я взял Вильгельма и залез к маме в постель.

— Который час? — промычала она из-под одеяла.

— Уже семь.

— У нас есть еще полчаса, давай просто тихо полежим.

Мысли вертелись в голове с такой скоростью, что просто тихо лежать было трудно. Я вспомнил удивительный факт, который нашел в одной старой энциклопедии у бабушки, и решил поделиться им с мамой:

— А знаешь, какой длины твой кишечник?

— Нет, и совершенно не хочу, — застонала она и повернулась ко мне спиной.

— Восемь метров. Представляешь?

Молчание.

— Его можно было бы протянуть из твоей комнаты через коридор и даже до середины моей комнаты.

Тут она все-таки проснулась и пошла на кухню варить кофе. Говорю же, удивительный факт.

За завтраком я сказал:

— Сегодня самый счастливый день в моей жизни.

— Надеюсь, что так, — ответила мама.

— Можно я возьму с собой Вильгельма?

— Я бы не стала. Вдруг он там потеряется?

— С чего бы ему теряться? Я могу везде ходить с ним за руку.

— Думаю, ты быстро с кем-нибудь подружишься и тебе будет с кем ходить за руку.

— Но ведь в детском саду я ни с кем не подружился.

— В школе все будет иначе.

За завтраком я все время подпрыгивал, вертелся и от волнения даже начал жевать новую белую футболку, и она стала вся мокрая. Мама велела мне переодеться, несколько раз сфотографировала меня, а потом сказала, что я просто красавчик. Кошка громко мяукнула: наверное, в знак согласия. Когда мы сели в лифт, оказалось, что там уже едет дядька с огромным животом, издающим смешные звуки. Живот как будто говорил со мной, и я захихикал, а мама сделала большие глаза и отвернулась. Кажется, ей тоже было смешно.

Я не помню, как представлял себе школу, но, когда мы приехали, оказалось, что во дворе собралась огромная куча людей — хоть и меньше, чем на концерте в помощь африканским детям. Из толпы торчали таблички с номерами и буквами классов. Мама крепко взяла меня за руку и начала пробираться вглубь. Чем дальше мы пробирались, тем меньше мне хотелось идти в школу. Назад пути нет — я прекрасно понимал это, но все-таки крикнул:

— Мам! Давай не пойдём?

— Я ничего не слышу!

— Я не хочу!

— Мы уже пришли!

Я так и не понял, действительно ли она не слышала, что я кричал, или просто испугалась, что получится как с детским садом и я до старости останусь дома. «Не волнуйся, все будет хорошо», — сказала она и чмокнула меня в макушку. А потом отпустила мою руку и исчезла в толпе других родителей, которые только и делали, что выкрикивали имена своих детей и фотографировали их на телефоны.

В тот день я так волновался, что не запомнил никого из своих одноклассников. Как будто все, что происходило, покрывлось туманом. В какой-то момент включилась музыка и все пошли в школу. Внутри сильно пахло сырниками, кашей и еще чем-то непонятным. Потом нас посадили за парты и начался урок. Кажется, в этот момент я понял, что это не самый лучший день в моей жизни, а самый плохой. Потому что с этого момента все дни стали одинаковыми. Но кое-что хорошее все-таки было: после уроков меня забрал папа, и мы пошли в «Макдоналдс».